

24 ИЮН 1947

СПЕКТАКЛИ ГРУЗИНСКОГО
ТЕАТРА им. РУСТАВЕЛИ

В ИГРЕ актеров Грузинского театра имени Руставели своеобразно соединяются высокая патетика, приподнятость чувств с психологической достоверностью, тонкостью и точностью передачи глубоких движений человеческого ума и сердца. Особенно замечательна игра выдающегося грузинского актера А. Хоравы. В ней все поражает — большая и глубокая человечность, отнюдь не заслоняющаяся ослепительным сценическим дарованием, глубина и острота душевных переживаний, соединяющиеся с огромной выдумчивой техникой.

Или А. Васадзе — талант яркий, блестящий, изобретательный, гибкий. Он часто находит смелые, точные, неожиданные штрихи и детали, раньше никем не угаданные и не показанные.

Или Г. Давиташвили с его спокойным, уравновешенным стилем игры, в которой сосредоточенная мысль преобладает над эффективностью внешней отделки роли.

Но как ни ярка и своеобразна игра отдельных корифеев грузинского театра, она сама по себе еще не составляет театр. Для этого необходимы общая направленность, единство устремлений, ансамбль. Этот ансамбль мы видим во многих спектаклях. Он возникает из общего идейного замысла и художественного воплощения большинства участников спектаклей, из единой природы их творчества, в своей манере всегда темпераментного, приподнятого и взволнованного. Может быть в этой манере порой слышится чрезмерная эмоциональность, стремление к эффектной звучащей фразе, подчеркнутой интонацией. Но эта эмоциональность рождена жи-

вой, психологической, характерной содержательностью, всем строем чувств и мыслей героев, которых изображает грузинский актер.

Нас особенно волновал вопрос, как будет сочетаться стиль этой игры с произношениями русской, советской драматургии. Спектакли «Победители» и «Великий государь» на этот вопрос дали ясный ответ. Весьма отличные от московских, они нашли в грузинском театре свое интересное решение.

В этом отношении весьма примечательны спектакли «Великий государь» В. Соловьева.

Москва. XVI век. Эпоха Ивана IV. Все русское, старинное, своеобразное. Московский зритель знает эту старину и чуток к ней относится. И вдруг нашему взору предстает царь Иван Васильевич в исполнении А. Хоравы. Что наиболее примечательно в его Иване? Ум в страстности, мудрость в неукротимости характера. За резко чередующимися сменами настроений мы ощущаем что-то всегда постоянное, присущее этому человеку. Это — неукротимость воли, направленность мысли, сознание большой ответственности за все дела государства. Под тяжестью политических забот и жизненных тревожений на лице Грозного Хоравы часто мелькает тень усталости и грусти.

Кульминационное место в игре Хоравы — смерть царевича Ивана — сцена у гроба. После слов: «Молчи! Молчи!» Грозный Хоравы бросает посох, долгая пауза. И с криком ужаса Хоравы устремляется к смертельно раненному царевичу. Ему слышится голос сына. Он тихо прислушивается,

и вдруг страшный вопль исторгается из самой души страдающего отца. Он понимает весь ужас случившегося, всю его непоправимость. И нет отцу прощения! Что будет с троном, родиной, ее будущим? Горе, сильное, непреодолимое, сотрясает весь нравственный мир этого человека.

Исключительная по силе, правдивости и искренности игра!

Спокойствием и мудростью веет от Бориса Годунова в исполнении Г. Давиташвили. В этом характере есть что-то близкое и схожее с Грозным. Оно — в единстве политических взглядов, в твердости воли, в нравственности ума. Оба считают себя ответственными за судьбы государства и честно служат его интересам. Роль Годунова Давиташвили играет с большой сдержанностью, значительностью, внутренним тактом.

Иное впечатление оставляет Василий Шуйский — А. Васадзе. Жизнь этого человека — сложной лабиринт интриг и заговоров. Елейный голосок, хитрые, беспокойные глаза, мягкая, неслышная походка, движения и пластика змеи — все это с большими мастерством, изобретательностью и неожиданностью показывает А. Васадзе.

В спектакле немало и других ярких в интересе задуманных ролей. Таков Ахаким-хан (Н. Андроникашвили), Чернец (М. Чивадзе), Мария Нягия (Н. Лапачи), польский посол (Т. Татишвили). Постановку А. Васадзе отличает стремление к яркой театральной форме: к острому, выразительному мизансцену в сочетании с верностью исторического фона и точностью бытового колорита. Неподвижной силой спектакля является его идейное начало, понимаемое как борьба исторически-прогрессивного дяди Ивана с бюрократической реакцией.

Огромной силой, большой содержательностью отмечена игра А. Хоравы

в роли генерал-полковника Муравьева («Победители» Б. Чирского). В Муравьеве Хораве прежде всего чувствуется советский человек, советский характер, который мог проявиться и развиться только в нашей стране.

В нем нет никакого тщеславия и честолюбия, его возмущают более высокие, более возвышенные чувства — беспрдельная любовь к Родине, чувство достоинства советского человека, реальное понимание и сознание своей ответственности перед Родиной и народом. Может быть эти чувства и рождают в Муравьеве-Хораве то превосходство, то прозрение и замыслы врага, ту уверенность и решительность, с которыми он приводит в исполнение гениальный замысел Верховного Командования.

Весьма содержательна игра Г. Давиташвили в роли генерал-полковника Виноградова. В нем видим цепкость мысли, железную логику, которая позволяет почти безошибочно определять положение и соразмерить ответственность за принятое решение. В своем основе это, несомненно, благородный и честный человек. Но все-таки ему не хватает, по сравнению с Муравьевым, главного — умения оккупывать явления войны не только с чисто военной, но и с других точек зрения — экономической, политической, философской, моральной. Все это с большим тактом и показывает в своей игре Давиташвили.

Интересен А. Васадзе-Пантелеев. Артист отказался от почти неуловимых нюансов в изображении чисто русского характера Пантелеева. Он дал более обобщенный тип человека. Но в его Пантелееве за внешней чудакостью бьется живое, чуткое, мужественное, честное сердце солдата-генерала, человека стойкого, непреклонного и необычайно спокойно-

го. А. Абхадзе, играющему роль генерала Кривенко, в общем удается

показать яркий темперамент, воодушевление, малоростность своего героя. Но для изображения всей сущности характера Кривенко этого недостаточно. Хотелось бы видеть большую психологичность и сосредоточенность. Этой сосредоточенности не хватает в некоторым другим исполнителями (например, И. Джавахашвили-Минутка).

Постановщик С. Челидзе в ряде картин нашел яркие, выразительные средства сценического действия (например, сцена ожидания немецкой артиллерийской атаки).

Последним среди гастрольных спектаклей был показан «Отелло». Об игре Хоравы в роли Отелло можно много писать. Его мавр — действительно мужественный, благородный воин, человек больших чувств, высокой чести и душевной красоты. В этом большом человеке, знавшем взлеты и падения, пожалуй, основное чувство — чувство чести, человеческого достоинства.

И когда Отелло-Хораву страстно и беззаветно полюбил Дездемону, он прежде всего ей доверил свою честь. Таким он предстает в сцене. Отелло спокойно выслушивает обвинения Брабанчо. В этот момент Отелло-Хораву просто не понимает, в чем его обвиняют и чего от него хотят. Спокойствием и уверенностью дышит его речь перед сенаторами.

Но, когда разгорается в душе его огонь гнева и страсти, вызванный подозрениями в неверности Дездемоны, артист меняет все ритмы, жесты, интонации, всю пластику своей игры. Его прыжок на Яго прекрасно оттеняет ярость вступленного человека. Лицо его обожествляется нервною судорогой, и весь благородный облик мавра куда-то уходит адаль, тускнеет. Страсть владеет им бесповоротно, с неумолимой силой. Он весь в ее власти. Но вот наступает монолог: «О Алегро, раз турок злой...». И

здесь происходит новое переключение. Снова мы видим очищенную страданиями, благородную душу Отелло.

Всю эту роль Хоравы проводит в блестящей форме, с поразительной артистической техникой.

Яго в исполнении Васадзе — яктресно задуманная и выполненная роль. Он человек темных, грязных устремлений, двуличный, интриган. Но это там, в глубине души. А внешне Яго почти веселый, добрый малый, любящий вино, веселье в своего генерала. Но вот Яго остается один. И мы слышим из его уст грязные, подлые, мерзкие замислы в отношении Отелло. Зло часто имеет две стороны: с одной — оно незаметно и только с другой — различно. Таков двуличный Янус-Яго в исполнении Васадзе.

Отрадное впечатление оставляет игра А. Тоидзе в роли Дездемоны. Уж сколько раз приходилось видеть различных Дездемонов, но все они были похожи одна на другую. В них не чувствовалось того, что вложил в этот образ Шекспир, за что полюбил Дездемону Отелло. Это — сила характера, индийная удальность, чувство достоинства. А. Тоидзе счастливо все это находит в своей роли.

С подлинным драматизмом играет Эмилио Т. Чивадзе, достигая в заключительной сцене трагический смысл.

Спектакли театра имени Руставели смотрятся с большими интересом и свидетельствуют о значительных достижениях грузинского театрального искусства, о выдающемся мастерстве его актеров, об общем высоком уровне грузинской культуры.

В. Залесский.

Ответственный редактор
Г. А. МЕЩЕРЯКОВ.